

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Анотація

Купріянов А.О. Використання та участь найманців у збройних конфліктах чи діях. – Стаття.

Численні прояви діяльності найманців сьогодні змушують задуматися над питанням про іноземне громадянство, яке до сьогодні було одним з елементів, що відрізняють і визначають найманця. Фактично сучасні міжнародні документи не завжди дозволяють кваліфікувати подібні випадки як використання найманця.

Ключові слова: найманство, відповідальність.

Summary

Kupriyanov A.O. Using and participation of hirelings in the armed conflicts or actions. – Articles.

Today numerous displays of activity of mercenaries force to think about question of foreign citizenship which was one of the elements which distinguishes and defines the mercenary. Actually modern international documents not always allow to qualify similar cases as use of the mercenary.

Key words: responsibility, mercenaryism.

УДК 343.9.1

В.Н. Дрёмин

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

В последние годы институциональная методология изучения общества и преступности получает все большее распространение. В России институциональный подход к исследованию криминальной действительности применяют Ю.В. Андриенко, П.А. Бараева, С.Ю. Барсукова, В.В. Волков, Л.В. Гевелинг, Г.И. Гилинский, С.П. Глинкина, А.И. Гуров, Т.Г. Долгопятова, В.М. Есипов, В.О. Исправников, В.В. Колесников, А.А. Крылов, Т.И. Корягина, И.М. Клямкин, Л.Я. Косалс, В.Д. Ларичев, Ю.В. Латов, В.С. Овчинский, А.Н. Олейник, О.В. Осипенко, В.В. Радаев, Р.И. Рывкина, Г.А. Сатаров, Л.М. Тимофеев, В.М. Полтерович, В.Л. Тамбовцев и многие другие известные ученые.

В Украине институциональная теория в криминологических исследованиях фактически не используется. Термины “институционализация” и “институты” чаще всего применяется в контексте характеристики определенного научного направления (С.А. Гриценко, О.М. Джужа, В.В. Василевич, А.В. Кирилук, В.М. Попович, И.П. Руценко, В.А. Туляков). Вместе с тем есть основания считать, что количественные и качественные характеристики преступности требуют поиска новых подходов к её изучению и предупреждению, к числу которых следует отнести институциональную методологию изучения общества и социальных процессов.

Преступность как сложнейший социальный феномен не могла оставаться вне институциональных исследований. Со времен Э. Дюркгейма и Р. Мертона анализ девиантного поведения, в той или иной мере, предполагает изучение социальных институтов. В советской социологической литературе до начала 70-х годов XX столетия термин “социальный институт” практически отсутствовал, а институциональный анализ относили к прерогативам буржуазной методологии. Во второй половине двадцатого века советские ученые стали использовать институциональный анализ при изучении экономики, науки, культуры. Но лишь в 90-е годы российские и отечественные социологи стали широко обсуждать проблемы формирования неправовых практик и их трансформацию в устойчивые социальные институты [1]. В украинской криминологии общетеоретические институциональные исследования преступности отсутствуют, хотя необходимость разработки такого подхода очевидна.

Нельзя не заметить, что в условиях социальной и политической нестабильности в Украине, “транзитивности” украинского общества, искусственная деинституционализация стала основной целью многих псевдореформаторских изменений. Большая часть населения в короткое время оказалось в деклассированном, а фактически маргинальном положении, что не могло не отразиться на криминальной ситуации в стране.

Некоторые исследователи отмечают, что стремительный рост преступности в последнее десятилетие XX века во многом обусловлен неправильной стратегией реформ, в том числе в правовой сфере. Известный российский социолог М.А. Шабанова подчеркивает, что процесс изменения базовых институтов российского общества начался с провозглашения властью новых экономических и политических прав. Причем многие из этих прав были не только провозглашены, но к настоящему времени стали неотъемлемым элементом современной институциональной системы общества. Парадокс заключается в том, отмечает М.А. Шабанова, что “внедрение новых прав осуществлялось чаще всего в неправовом социальном пространстве, которое за годы реформ настолько расширилось, что для большинства населения стало более реальным, чем правовое” [2]. Наблюдение, заслуживающее глубокого криминологического изучения, так именно неправовое пространство является своего рода пусковым механизмом институционализации криминальных практик.

Тесная связь преступных проявлений с социальными изменениями показывает, что преступность следует рассматривать как разновидность предметной деятельности, массовой практики людей, проявляющейся в преступном поведении. Данный вид социальной практики, исходя из содержания, направленности и социально-правовой оценки, может быть назван криминальной практикой, которая, в свою очередь, формирует особый вид активности человека – криминальную активность. Криминальная активность, реализующаяся в преступном поведении, имеет системный характер, так как внутренне структурирована, её разновидности тесно связаны между собой и с иными видами человеческой практики, в том числе и социально-позитивными. Криминальная активность – обобщающая характеристика криминальных практик [3].

Глобализация преступности, изменение её качественных и количественных параметров, высокий уровень латентной преступности, дают основание говорить о том, что в настоящее время происходит формирование отдельных видов криминальных практик как социальных институтов. О том, что криминальные практики приобретают характер самостоятельных, выполняющих специфические функции социальных институтов, свидетельствует не только уголовно-правовая статистика, подтверждающая наличие таких практик, но и формирование особых субкультурных норм, правил поведения, традиций и специфических коллективных отношений. Ученые пишут об институционализации коррупции (Косалс Л.Я, Латов Ю.) организованной преступности (Гишинский Я.И., Бараева Н.Б.), экономической преступности (Колесников В.В., Попович В.М.).

В настоящее время наиболее распространенным является понимание социальных институтов как относительно устойчивых и долговременных форм социальной практики, которые санкционируются и поддерживаются с помощью формальных и неформальных норм и правил поведения, и посредством которых организуется общественная жизнь, устанавливаются образцы поведения людей, обеспечивается устойчивость социальных отношений. Ещё Э. Дюркгейм называл социальные институты “фабриками воспроизводства общественных отношений”. Следовательно, можно рассматривать институционализацию криминальных практик как процесс воспроизводства преступности.

Институционализация преступной деятельности способствует вовлечению в криминальную практику других людей, которые оказываются зависимыми от этой деятельности. Создается особая криминальная среда обитания, которая по экономическим свойствам и возможной материальной выгоде весьма привлекательна для её участников. Воспроизводство преступности в этом случае предстаёт как непрерывно продолжающийся цикл обмена результатами предметной деятельности в рамках институционализированных криминальных практик. Сформировался особый механизм функционирования указанных криминальных практик, представляющий из себя систему устойчивых правил поведения (взаимодействия) субъектов указанных практик, в том числе и взаимоотношений с правоохранительными и иными властными органами.

При этом следует подчеркнуть, что преступность в целом, во всем своем качественном многообразии, не может быть охарактеризована как единый социальный институт и фактически не является таковым. Причиной этого является разнохарактерность криминальных практик (убийства, компьютерные, половые, воинские преступления и др.), а также существенные различия в регламентации неформальных правил поведения внутри соответствующих криминальных субкультур.

Объективной основой институционализации преступности являются дисфункции официальных институтов государства: экономических, политических, правовых. Субъективной основой институционализации преступности являются социальная аномия как следствие переходного состояния общества, утрата духовных ценностей и широкое распространение правового нигилизма. Большинство криминальных практик характеризуются корыстной направлен-

ностью. Как следствие, институционализированные криминальные практики успешно конкурируют с правомерными социальными практиками, принося их участникам в короткое время существенные доходы.

Криминализация общества привела к возникновению особого механизма институциональной взаимодействия криминальных практик и институтов правопорядка. Данный механизм в основном основан на взаимном материальном стимулировании поведения участников такого взаимодействия. Нравственная деформация сотрудников правоохранительной и судебной систем, связанная с масштабной коррупцией и “крышеванием” криминальных структур, способствует криминализации общества и воспроизводству преступности. В свою очередь, рост преступности служит причиной увеличения материальных и кадровых ресурсов институтов правопорядка. Складывается ситуация, которая была обозначена Нильсом Кристи в названии одной из его книг: “Борьба с преступностью как индустрия”. Изменение количественных параметров институтов правопорядка не способствует снижению уровня криминализации общества. Высокий уровень коррупции и вовлеченности сотрудников правоохранительных и судебных органов в криминализованную экономику, прямая или косвенная поддержка неправовых, в том числе криминальных практик, существенно снижают авторитет и эффективность институтов правопорядка, фактически разрушают их.

Криминальная ситуация в экономике, и других социальных сферах выдвигают перед криминологической наукой задачи по институционализации специальных криминологических теорий.

Очевидно, что если общество представляет из себя систему относительно самостоятельных социумов (подсистем), необходимо изучать криминологические особенности функционирования данных социальных подсистем [4]. В настоящее время активно разрабатываются такие направления как политическая криминология (Д.А.Шестаков, П.А. Кабанов, Н.А. Зелинская), экономическая криминология (В.В. Колесников, В.М. Попович), криминология закона, семейная криминология, (Д.А.Шестаков), криминология средств массовой информации (Г.Н. Горшенков), криминология (О.В. Старков), криминология (О.В. Старков, Л.Д. Башкатов, Г.Л. Касторский) и другие отрасли криминологии.

Изучение данных подсистем возможно в рамках новой научной теории – институциональной криминологии. Институциональная криминология – не самостоятельная отрасль научных знаний, а одно из направлений криминологии. Как уже говорилось, далеко не все преступные проявления приобретают черты социального института. Предметом институциональной криминологии является преступность в её институционализированных формах и социальная среда, их формирующая, т.е., процессы институционализации криминальных практик и криминализации социальных институтов. Главным элементом предмета криминологических исследований в рамках институциональной теории изучения и предупреждения преступности должны стать криминальные практики, составляющие ядро современной преступности, обеспечивающие её сохранение и расширенное воспроизводство [5].

Институциональная криминология объективно предполагает развитие институциональной профилактики преступности. В основе институциональной профилактики преступности, независимо от вида и характера преступлений, лежит концепция изменения деятельности человека в тех или иных социальных условиях на основе изменения мотивационной составляющей его деятельности, т.е. изменения характера социальных практик.

Институциональная концепция изучения и сдерживания криминализации общества предполагает анализ социума как системы социальных институтов, с которыми люди себя отождествляют и в рамках которых осуществляют различные виды социально значимой деятельности в целях удовлетворения своих социальных потребностей, прежде всего витального (жизненного) характера.

Разработка механизма вытеснения криминальных практик посредством стимулирования социально-позитивной деятельности в рамках тех или иных институтов является наиболее перспективным направлением институциональной профилактики преступлений.

Несмотря на то, что теория институционализации криминальных практик находится в стадии становления, применение её методологических принципов уже сейчас может оказать влияние на изучение и сдерживание преступности.

Институциональный подход к изучению преступления и наказания, таким образом, есть понятие методологическое, а институциональные теории, касающиеся преступности, неизбежно отражают не только общие закономерности, но специфику места и времени социального бытия, наполняясь самым разнообразным содержанием. Вместе с тем, следует заметить, что слепое заимствование концепций, адаптированных к условиям разных стран и времен, безусловно, контрпродуктивно, однако освоение методологического подхода способно дать ценный инструмент для научного поиска и важных практических решений в противостоянии с преступностью. Особенно важно это в условиях постсоветских стран, которые, по исторически меркам, за один миг оказались на “руинах” не только своего социального строя, но многих научных, в том числе криминологических, догматов.

Литература

1. См.: Заславская Т.И., Шабанова М.А. К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда // Мир России. 2002. – Т. 11. № 2. – С. 3 – 38; Митракова Е.Н. Институционализация неформальных политико-правовых практик в современной России как угроза национальной безопасности // Дис. ... канд. юрид. наук.- Ростов-на-Дону, 2005, с.151
2. См.: Шабанова М.А. Институциональные изменения и неправовые практики // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. – С. 319.
3. См.: Дрёмин В.Н. Преступность как объект системного анализа // Актуальні проблеми держави та права, №7, 2000. – С. 242-255; Дрёмин В.Н. Преступность и её организованные формы как социальная практика // Информационное обеспечение противодействия организованной преступности (сборник научных статей). Под ред. М.Ф. Орзиха, В.Н. Дрёмина /Библиотека журнала “Юридический вестник”. – Одесса: Феникс, 2003. – С. 12-25; Дрёмин В.Н. Преступность как социальная практика и предметная деятельность // Наукові праці ОНЮА. – Т. 5. – Одеса: Юридична література, 2006. – С. 251-261.
4. См.: Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / Под ред Д.А. Шестакова. – СПб.: Изд-во: “Юридический центр Пресс, 2003. – 353 с.;

- См. также труды Шестакова Д.А.: Введение в криминологию семейных отношений. – Л., 1980; Шестаков Д.А. Криминология: новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. Учебник 2-е изд., перераб. и доп. – С.-П.: Юрид. центр- Пресс. 2006. – 561 с.; Попович В.М. Економіко-кримінологічна теорія детінізації економіки: Монографія. – Ірпінь: Академія державної податкової служби України, 2001. – С. 47-48.
5. См.: Дрёмин В.Н. Институционализация преступности и институциональная криминология: концептуальные подходы / В.Н. Дрёмин // Сучасна криминологія та проблеми протидії злочинності : зб. наук. праць / Під ред. М.Ф. Орзіха, В.М. Дрьоміна. – Б-ка журн. “Юридичний вісник”. – О.: Фенікс, 2008. – С.54-70.

Анотація

Дрьомін В.М. Інституціональні механізми протидії злочинності. – Стаття.

Розглядається інституціональна теорія вивчення і попередження злочинності. В основі даного методологічного підходу лежить уявлення про злочинність як систему соціальних практик, які реалізуються в предметній соціально значущій діяльності. Ефективна протидія злочинності можлива лише в рамках певних соціальних інститутів, шляхом зміни характеру і мотиваційних основ діяльності.

Ключові слова: відповідальність, кримінальні інститути.

Summary

Dryomin V.N. Institutional mechanisms of counteraction to the criminality.

– Article.

The article focuses on the institutional theory of crime study and prevention. This methodological approach is based on the apprehension of crime as a system of social practices, which is realized in substantive socially significant activities. An effective crime counteraction is possible only within certain social institutions by changing the character and motivational bases of this activity.

Key words: responsibility, criminal institutes.

УДК 343.2/7(470)

Н.В. Баландина

О РОЛИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ПО ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Глубокая повсеместная криминализация общественных отношений в России, начало которой было положено в перестроечный постсоветский период, с необходимостью требует аккумуляции сил государства и общества и формирования российской правовой политики по декриминализации общественных отношений. Прав С.И. Герасимов, утверждающий, что “организация надлежащего противодействия преступности стала настолько злободневной и актуальной проблемой, что выдвинулась в ряд основных, первоочередных задач государства и общества. В связи с этим важно понять, выстроить и принять реальные меры по защите общества от криминального натиска, и, прежде всего, речь идет о существенной корректировке... правовой политики государства, которое заметно ослабило